

Отвлекаясь от абстрактных моделей перевода, отметим, что процесс перевода – равно как и весь процесс порождения речи в сознании человека – по-прежнему остается загадкой загадок. Однако совершенно очевидно, что в практике перевода действительно выделяются два этапа работы. Один из них связан с осмыслением текста на иностранном языке, а другой – с воспроизведением его на родной язык.

Литература

1. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1990. 253 с.
2. Рябцева Н.К. Теория и практика перевода: когнитивный аспект. *Перевод и коммуникация*. М., 1997. С. 42-63.
3. Фесенко Т.А. Лингвоментальная модель процесса перевода. *Язык, сознание, коммуникация*: сб. статей. Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2001. С. 58-62.
4. Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика. М.: Воениздат, 1973. 280 с.
5. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. 224 с.

Наталья Камовникова

г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

ОПОЯЗ в истории переводоведения XX века

The article focuses on the findings of the Russian Formalist organization OPOIAZ in relation to the further development of translation studies as a discipline in the Soviet Union and beyond. OPOIAZ's studies of form and function of literary works influenced the contemporary translation practice, as well as gave substantial material for the research of such globally renowned scholars as Roman Jakobson and Andrei Fedorov, who is now recognized as the founder of the Soviet translation studies. Despite the political pressures against formalism, the legacy of OPOIAZ continued to inspire further generations of scholars, contributing to the emerging discipline of translation studies.

Key words: OPOIAZ, Russian Formalist movement, translation studies, form, function.

О переводоведении как самостоятельной науке принято говорить применительно к переводческим концепциям, начиная с пятидесятих годов XX столетия. Однако двадцатый век на всем своем протяжении был щедр как на успешные переводческие проекты, так и на

теоретические изыскания в области перевода, предопределившие возникшие позднее переводческие течения. Так, в основу многих лингвистических и переводоведческих концепций легли труды Общества по изучению поэтического языка (ОПОЯЗа), возникшего в 1916 г. в Петрограде и ставшего одной из ключевых организаций русского формализма.

Петроградский ОПОЯЗ возник благодаря усилиям В.Б. Шкловского, О.М. Брика, Р.О. Якобсона, Е.Д. Поливанова и Л.П. Якубинского годом после возникновения Московского лингвистического кружка, с которым его объединили общие принципы и ряд общих членов – прежде всего, Р.О. Якобсон, О.М. Брик и Б.В. Томашевский. К 1919 г. к ОПОЯЗу примкнули Б.М. Эйхенбаум и Ю.Н. Тынянов; в его деятельности принимали также участие В.В. Виноградов и В.М. Жирмунский.

В противовес бытующим мнениям о необходимости изучения художественных образов, ОПОЯЗ провозгласил своим основным методом формальный анализ, позволяющий отказаться от предположений относительно авторских интенций. Убеденность ОПОЯЗа в ценности автономного исследования литературного произведения и изучении его языкового материала наследовала принципам философии позитивизма, провозглашавшего эмпирические исследования единственным источником истинного знания. «Образы не есть то, изменение чего составляет сущность движения поэзии», – писал Виктор Шкловский в своей статье «Искусство как прием» [1, с. 11]. Еще ранее, за два года до образования ОПОЯЗа, Шкловский в «Воскрешении слова» дал определение художественному восприятию как такому, «при котором переживается форма (может быть, и не только форма, но форма непременно)» [2, с. 4]. В 1921 г. в работе «Новейшая русская поэзия» Роман Якобсон сформулировал этот подход следующим образом: «Поэзия есть язык в его эстетической функции. Таким образом, предметом науки о литературе является не литература, а литературность, т. е. то, что делает данное произведение литературным произведением» [3, с. 275].

Начав с изучения звуковой организации поэтической речи, ОПОЯЗ постепенно перешел к вопросам исследования ритма, приема, функциональной нагрузки приемов и взаимодействия формы и функции [4, с. 407-8]. В начале 1920-х годов В.В. Виноградов пишет опубликованные в 1926 г. «Этюды о стиле Гоголя», в которых говорит о форме как об источнике содержания произведения в целом, о «феноменологическом» подходе к изучению стиля [5, с. 9-10] и о необходимости установления связи индивидуального стиля с литературным окружением [5, с. 16-17].

Теоретические изыскания ОПОЯЗа практически незамедлительно оказали влияние на современную ему литературную и переводческую деятельность. В начале 1920-х годов Ю.Н. Тынянов посвящает себя переводам поэзии Гейне, в которых уделяет пристальное внимание передаче литературной формы. По воспоминаниям А.В. Федорова, Тынянов говорил о бесполезности попыток достижения абсолютной точности в передаче деталей и подчеркивал необходимость установления функций элементов текста и поиска их соответствий в языке перевода [6, с. 91]. Тынянову также принадлежит мысль о переводе как о разновидности генезиса литературы [7, с. 29]. Спустя столетия эта мысль отзовется в монографии ученика Тынянова А.В. Федорова «Искусство перевода и жизнь литературы», в которой перевод будет назван особой сферой творчества, «где свое, собственное сопоставляется и соизмеряется с иноземным или иноязычным, где переводчик меряется силой с автором оригинала, воссоздавая уже созданное и открывая в своей литературе и в родном языке новые ресурсы и завоевывая новые области» [8, с. 9].

Важнейший вклад в развитие переводческой мысли внес Р.О. Якобсон. Окончательно переехав в Прагу, в 1930 г. он публикует статью «О переводе стихов», где говорит о вопросе функциональной необходимости модификаций стихотворного размера переводимого текста [9]. Эта статья Якобсона является продолжением его изысканий в области структуры стиха, начатых в его книге «О чешском языке преимущественно в сопоставлении с русским», посвященной одному из основателей ОПОЯЗа Виктору Шкловскому [10]. В ряду многочисленных работ в области фонологии, морфологии, семиотики и теории стиха особую роль в наследии Якобсона играет статья «О лингвистических аспектах перевода». Опубликованная в 1966 г. – спустя тридцать лет после распада ОПОЯЗа, – статья рассматривает вопрос эквивалентности единиц разных уровней, а также переводческой передачи лексических единиц и грамматических категорий в условиях языковой асимметрии [11].

Активная деятельность и публикации ОПОЯЗа подвергаются активной критике уже с начала 1920 годов. В 1923 г. в книге «Литература и революция» Л.Д. Троцкий посвящает целую статью формализму и деятельности ОПОЯЗа, озаглавив ее «Формальная школа поэзии и марксизм». «Объявив сущностью поэзии форму», – пишет Троцкий, – «эта школа свою задачу сводит к анализу <...> этимологических и синтаксических свойств поэтических произведений, подсчету повторяющихся гласных и согласных, слогов, эпитетов. Эта частичная работа <...> безусловно нужна и полезна,

если понять ее частичный, черновой, служебно-подготовительный характер. Но сами формалисты не хотят мириться на вспомогательном, служебно-техническом значении своих приемов <...> для них словесное искусство полностью и окончательно замыкается словом <...> Социально-психологический подход, который для нас только и осмысливает микроскопическую и статистическую работу над словесным материалом, для формалистов уже алхимия» [12, с. 131-2]. Обличительная риторика Троцкого с поразительной точностью будет воспроизводиться в контексте обвинений в «формализме» литературоведов, лингвистов и переводчиков многими годами после высылки Троцкого из СССР, его лишения советского гражданства и насильственной смерти в 1940 г. Угрожающе выглядит и критическая статья наркома просвещения А.В. Луначарского «Формализм в науке об искусстве» 1924 г., в третьей части которой он полемизирует со статьей Б.М. Эйхенбаума «Вокруг вопроса о формалистах». Свою статью Луначарский завершает словами: «Я охотно ответил бы гр. Эйхенбауму и на его полуликование по поводу полустремления некоторых половинчатых людей признать формализм, несколько сдобренный уступками, за удобную позицию для самообороны от марксизма. Но это завело бы меня далеко. В рамки этой статьи вопрос о группировках и перегруппировках нашей профессуры и интеллигенции вообще не вмещается. Не отвечаю я и на ту часть статьи гр. Эйхенбаума, где он критикует писателей–марксистов... Они сами за себя ответят» [13, с. 421].

Гонения на формализм активно нарастали в 1930 гг. В 1936 г. посвященная формализму статья в Большой Советской энциклопедии завершалась указанием на несовместимость его принципов с принципами возведенного к тому времени в абсолют соцреализма [14]. Некоторые из бывших членов ОПОЯЗа были сосланы: В.В. Виноградов по делу славистов был сослан в Вятку, а затем в Тобольск; Е.Д. Поливанов в 1937 г. был расстрелян по обвинению в шпионаже. Остальные ОПОЯЗовцы вынужденно ушли в тень. В тот период Б.М. Эйхенбаум напишет горькое четверостишие:

*Враги бывлые, мы состарились и стихли,
Не так уж важно – проза, драма, стих ли,
Живем не столь идей, сколько сбытом,
Вы языком питаетесь, я – бытом [15].*

В умах современников «формализм» стремительно превращался в обозначение технической и стилистической усложненности, идущей вразрез с провозглашенными соцреализмом принципами ясности и конкретности. Перестав быть термином, «формализм» превратился в

пейоративное обозначение чрезмерной увлеченности техническими параметрами текста в ущерб его эмотивному и идейному содержанию. В этой связи показательна история травли переводчиков Диккенса Е.Л. Ланна и А.В. Кривцовой [16, с. 117-34], а также кампания, развернувшаяся в конце 1940 – начале 1950 гг. против переводчика байроновского «Дона Жуана» Г.А. Шенгели [16, с. 134-67].

При этом идеи русского формализма в целом и достижения ОПОЯЗа в частности получили продолжение в трудах нового поколения лингвистов и литературоведов. Так, в военное лето 1941 г. была опубликована работа А.В. Федорова «О художественном переводе». Ученик Ю.В. Тынянова, В.В. Виноградова и В.М. Жирмунского, А.В. Федоров говорит о языке как основе изучения перевода. Уже в 1941 г. Федоров поднимает проблему многоуровневых переводческих соответствий, указывая на необходимость поиска соответствий между текстовыми элементами, социальным и культурным фоном и языковой эстетикой [17, с. 14]. При этом вслед за своими учителями Федоров говорит о художественной форме как носителе смысла произведения и о необходимости ее передачи в переводе: «Форма неразрывно связана с содержанием, стиль и язык – с идеей. Переводя смысл слов, мы тем самым передаем идею и отношение автора к ней. От того, насколько верно будут выбраны слова и обороты <...>, будет зависеть и правильность передачи идейного содержания» [17, с. 24-25].

В вышедшем в 1953 г. «Введении в теорию перевода» Федоров провозглашает лингвистический подход к переводу. «Лингвистический разрез в изучении перевода», – пишет Федоров, – «затрагивает самую его основу – язык, вне которого неосуществимы никакие функции перевода – ни общественно-политическая, ни культурно-познавательная его роль, ни его художественное значение. <...> Всякого рода исследования и рассуждения о том, как отразилось при переводе содержание подлинника и какую роль оно сыграло для данной литературы, будут беспредметны, если не будут опираться на анализ языковых средств выражения, использованных при переводе» [18, с. 14]. Федоровское определение теории перевода как дисциплины «лингвистической прежде всего» [18, с. 14], основанной на исследованиях фактического языкового материала в противовес спекуляциям относительно авторского намерения и обстоятельств, сопутствовавших созданию произведения, напрямую соотносится с позицией ОПОЯЗовцев, фокусировавших свое внимание на формальных признаках художественного произведения, его фонетической, ритмической, грамматической и стилистической составляющих.

Л.В. Успенский, обучавшийся в 1925-1929 гг. на Высших курсах искусствоведения ГИИИ у Б.М. Эйхенбаума и В.М. Жирмунского, в адресованной школьникам книге 1954 г. «Слово о словах» уделяет значительное внимание в том числе и вопросам перевода. Интересно, что глава «Герзания переводчиков» посвящена вопросам, поднимавшимся в уже упомянутой здесь ранее статье Якобсона «О лингвистических аспектах перевода» [11, с. 22-23]. Успенский подробно говорит о проблеме передачи грамматического падежа в переводе, влиянии различий на передачу смысла и о символизме грамматического рода в контексте культуры [19, с. 338-48]. Примечательна и глава «Глокая куздра», названная по первым словам знаменитого грамматического примера Л.В. Щербы, также участвовавшего в деятельности ОПОЯЗа. Посвященная напрямую лексико-грамматическим вопросам, глава активно использует сопоставительный переводческий материал для подкрепления выводов относительно языковой формы художественных произведений [19, с. 299-303]. Вопросам ритмико-фонетической формы посвящена глава «Удивительный Робинзон Крузо», которая также иллюстрируется переводом В.А. Жуковского из «Шильонского узника» [19, с. 268-71].

Несмотря на десятилетия жесткой критики и обвинений в идеологической чуждости, трудам русского формализма в целом и ОПОЯЗа в частности предстояла долгая жизнь. Они оказали прямое влияние на развитие Пражского структурализма, семиотики, а также переводоведения. Несмотря на гонения на ОПОЯЗ, переводческая мысль в СССР и за рубежом продолжала обращаться к его достижениям, постепенно формулируя основные положения новой научной дисциплины, которую мы в настоящий момент именуем переводоведением.

Литература

1. Шкловский В.Б. Искусство как прием. *О теории прозы*. М.: Советский писатель, 1983. С. 9-25.
2. Шкловский В.Б. Воскрешение слова. СПб.: Типография З. Соколинского, 1914. 16 с.
3. Якобсон Р.О. Новейшая русская поэзия. *Работы по поэтике*. М.: Прогресс, 1987. С. 272-316.
4. Эйхенбаум Б.М. Теория формального метода. *О литературе*. М.: Советский писатель, 1987. С. 375-408.
5. Виноградов В.В. Этюды о стиле Гоголя. Л.: АCADEMIA, 1926. 228 с.
6. Федоров А.В. Фрагменты воспоминаний *Воспоминания о Ю. Тынянове*. Сост. В.А. Каверин. М.: Советский писатель, 1983. С. 85-108.
7. Тынянов Ю.Н. Тютчев и Гейне. *Поэтика. История литературы. Кино*. М.: Наука, 1977. С. 29-37.
8. Федоров А.В. Искусство перевода и жизнь литературы. Л.: Советский писатель, 1983. 352 с.
9. Jakobson Roman. O překladu veršů. Plan. №2. 1930. С. 9-11.
10. Якобсон Р.О. О чешском

языке преимущественно в сопоставлении с русским. [Берлин]: Государственное издательство РСФСР, 1923. 120 с. **11.** Якобсон Р.О. О лингвистических аспектах перевода. *Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике*. М.: Междунар. отношения, 1978. С. 16-24. **12.** Троицкий Л.Д. Литература и революция. М.: Издательство политической литературы, 1991. 400 с. **13.** Луначарский А.В. Формализм в науке об искусстве. *Собрание сочинений*, Т. 7. М.: Художественная литература, 1967. С. 407-421. **14.** Большая Советская Энциклопедия. Т. 58 (Флора – Франция). Глав. ред. О.Ю. Шмидт. М.: ОГИЗ РСФСР, 1936. 799 с. **15.** Виноградов В.В. Из истории изучения поэтики (20-е годы). *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*. № 3. 1975. С. 259-272. http://www.opojaz.ru/vinogradov/vinogradov_iz_istorii.html. **16.** Азов А.Г. Поверженные буквалисты: Из истории художественного перевода в СССР в 1920-1960-е годы. М.: Дом Высшей школы экономики, 2013. 304 с. **17.** Федоров А.В. О художественном переводе. Л.: Гослитиздат, 1941. 259 с. **18.** Федоров А.В. Введение в теорию перевода. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1953. 335 с. **19.** Успенский Л.В. Слово о словах. Киев: Веселка, 1987. 367 с.

Zaal Kikvidze
Kutaisi-Tbilisi, Georgia
Levan Pachulia
Sukhumi, Georgia

Demetrius Rudolph Peacock and the Languages of Georgia

The paper is a discussion of D.R. Peacock's lexicographic resource "Original Vocabularies of Five West Caucasian Languages" and provides information about the author and his work. The English headwords are accompanied by their translations in the languages spoken in Georgia: Georgian, Megrelian ("Mingrelian"), Laz ("Lazian"), Svan ("Swanetian"), and Abkhazian. With a number of positive aspects, Peacock's "Vocabularies" should be considered a significant vestige in the history of English-Caucasian lexicography which can yield much valuable information as a result of the thorough investigation of individual entries and their translation equivalents in the five Caucasian languages spoken in Georgia.

Key words: English-Caucasian lexicography, Caucasian languages, D.R. Peacock.

The present paper is based on the 12-page long resource authored by Demetrius Rudolph Peacock and published in *The Journal Royal Asiatic Society* in 1887 [1]. Last year the authors of the present work published a paper on Peacock's contribution to the early history of English-Megrelian